

Райко Нахтигал как исследователь русского и славянского ударения

Герхард Невекловски

Венский университет, Вена

Райко Нахтигал побывал в 1901 и 1902 годах в России, где общался с известными лингвистами и славистами, в том числе с Ф. Ф. Фортунатовым, чье акцентологическое учение оказало большое влияние на его научные взгляды. По возвращении в Вену Нахтигал преподавал русский язык в разных учебных заведениях. Можно предположить, что, поскольку он был иностранцем, его особое внимание привлекали сложности ударения в русском языке, чему, конечно, способствовала его любовь к истории языка и сравнительной грамматике славянских языков. Нахтигал пишет о русском и славянском ударении в монографии *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung* (1922), а также в книгах *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (1946) и *Slovanski jeziki* (1939/1952). В данной работе речь идет об акцентологических установках в трудах Нахтигала.

Ключевые слова: Райко Нахтигал, современное русское ударение, сравнительная грамматика славянских языков, история славянского ударения

1 Интерес к русскому и славянскому ударению

Райко Нахтигал (1877–1958) изучал славянскую филологию с 1895 по 1901 в Вене у Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича и других венских профессоров, в том числе В. Вондрака и К. Иречека, а также сравнительное языкознание у Р. Мерингера. У Ягича он написал свою диссертацию «Ein Beitrag zu den Forschungen über die sogenannte Беседа трех святителей» (*Archiv für slavische Philologie* 23, 1901:1–95, 24, 1902:321–408). Ягич являлся крупнейшим славистом девятнадцатого и начала двадцатого веков, изучавшим староцерковнославянский язык – тема, которой занимался также и Нахтигал. Подобно своему учителю, Нахтигал понимал славянскую филологию довольно широко. Об этом свидетельствует его сравнительная грамматика славянских языков (Nahtigal 1938/1952, 1961, Нахтигал 1963). Нахтигал окончил факультет славянской филологии и сравнительного языкознания в 1900-ом году. Сразу же после окончания учебы он – по ходатайству Ягича – уехал в Россию и там еще ближе познакомился с русским языком и русской культурой. В 1901-ом и 1902-ом годах он побывал в Москве и в Санкт-Петербурге, где общался с известными лингвистами и славистами, в том числе с Ф. Ф. Фортунатовым и

А. А. Шахматовым. К его поколению молодых славистов принадлежали Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколов (авторы *Опыта диалектологической карты русского языка с приложением очерка русской диалектологии (в Европе)*). Москва 1915 + стенная карта). Нахтигал принимал участие также в основании Московской диалектологической комиссии, был членом комиссии славистов в рамках Московского археологического общества. После своего возвращения в Вену, Нахтигал преподавал русский язык на протяжении десяти лет в разных учебных заведениях Вены, в том числе и в университете. После смерти К. Штрекеля он был избран профессором университета в Граце в 1913-ом году. Об этом Нахтигал упоминает в своей книге *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (Nahtigal 1946:VII–VIII, ср. также Kolarič 1948:95–96, Tomšič 1957:1–2, Tomšič 1958:63–65, и предисловия немецкого и русского изданий книги *Slovanski jeziki*).

Можно предположить, что, будучи иностранцем, Нахтигал обращал особое внимание на русское ударение. Тот факт, что он преподавал иностранцам русский язык, пробудило его особый интерес особенно к русскому ударению, являющемуся чрезвычайно важным фактором при взаимном общении (об этом ср. Nachtigall 1922:26). Конечно, этому способствовала его любовь к истории языка и сравнительной грамматике славянских языков. Впрочем, он упоминает о своем интересе и к словенскому ударению в Nachtigall 1922:12. На семинаре Ягича он, будучи еще студентом, прочел доклад о зависимости между ударением и качеством гласных в словенском языке.

В 1922-ом году, после того как Нахтигал переехал в Люблян (1918) и работал там профессором первого словенского университета, вышла его книга *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Substantiva auf Konsonanten* (Nachtigall 1922), которая была задумана как первый том большого сборника работ о русской акцентуации. В предисловии к книге мы читаем, что рукопись была окончена в 1912-ом году. Из-за первой мировой войны и по причине того, что типографский набор был довольно сложным, печатание книги задерживалось. Но это, казалось бы, несчастливое обстоятельство способствовало тому, что Нахтигал позднее смог добавить многочисленные примечания и исправления к тексту. К сожалению, закончить собрание ему не удалось, но Нахтигал обширно описывает правила русского ударения в книге Nahtigal 1946 и, конечно, рассматривает славянское ударение в книге Nahtigal 1938/1952.

2 Закон Фортунатова-де Соссюра

Цель книги Nachtigall 1922 – познакомить читателя с историей русского ударения и с правилами русского современного ударения, а цель книги Nahtigal

1946 – познакомить читателя со всеми уровнями грамматики русского языка, в том числе и с ударением. Его историческое толкование русского и славянского ударения опирается на акцентологический закон Фортунатова-де Соссюра. Этим законом Нахтигал объясняет подвижное ударение в современном русском языке. Де Соссюр сформулировал этот акцентологический закон для литовского языка, а Фортунатов расширил закон для балто-славянского времени, или, другими словами, он доказал, что этот закон действовал также в праславянском языке. Фортунатов приводит данный закон в разных местах своего сочинения, ср. особенно:

Длительная¹ долгота еще в литовско-славянском языке переносила на себя ударение с предшествовавшего слога, если последний не имел сам длительной долготы. (Фортунатов 1897:62)

Словами Нахтигала определение закона Фортунатова следующее:

Wenn nach einer Silbe mit einer Intonation, welche dem heutigen slav[ischen] fallenden oder lit[auischen] schleifenden Ton entsprach, oder welche kurze Vokale besaß, eine andere Silbe mit der entgegengesetzten Intonation folgte, welche dem heutigen slav[ischen] steigenden oder lit[auischen] gestoßenen Ton entsprach, so zog letztere den Wortton an sich. (Nachtigall 1922:7)

Кроме этого закона Нахтигал упоминает в сравнительной грамматике и об акцентологическом законе Хирта, по котором в двухсложных словах с различными слоговыми интонациями ударение перешло со слога с нисходящей интонацией на слог с восходящей интонации, или а) с предпоследнего слога на конечный слог, или б) с конечного слога на предпоследний слог (Нахтигал 1963:53, ср. Nahtigal 1952:22).²

Нахтигал всю жизнь верил в действие закона Фортунатова. Можно добавить, что также и его учитель Вондрак, принимал этот закон за факт (Vondrák 1906:197). Нахтигал повторяет и излагает этот закон также в научно-популярной книге о русском языке (Nahtigal 1946:136, относительно Фортунатова ср. также Lehfeldt 2009:9–10). Данный закон предполагает, что в балто-славянском языке каждый долгий гласный имел свою интонацию, а каждое слово свое ударение. При этом некоторые гласные были всегда долгими, а другие короткими. Длительность гласных являлась нефонологическим признаком. Некоторые интонации были тоже автоматическими. Можно предположить, что морфемы, большинство которых были односложными,

1 Предполагается, что длительность индоевропейских гласных отвечает восходящей интонации в балто-славянском языке, тогда как короткие гласные имели нисходящую интонацию (Nahtigal 1952:20).

2 Закон Хирта (Hirt 1895:91–94) объясняет некоторые различия относительно места ударения между балтославянским и греческим или стариндийским языками, нпр. стинд. grīvá : рус. гри́ва, сх. grīva и др. (Nahtigal 1952:23). Здесь мы могли бы еще привести закон Лескина, по которому, после действия закона Фортунатова-де Соссюра, долгие гласные в конце слова сокращались (см. Garde 1976:193). Этот закон, однако, не влияет на место ударения.

имели определенные свойства, а взаимодействие всех морфем определяло место ударения и интонацию слова.

Закон Фортунатова-де Соссюра объясняет подвижное ударение в праславянском языке. Нахтигал показывает это на примере подвижного русского ударения типа *голова́*³ : *го́лову*, *го́ловы* : *го́лов* : *голова́м*. Полногласие показывает праславянские интонации: словоформы *го́лову*, *го́ловы* имели циркумфлекс (нисходящую интонацию) некогда односложной морфемы **голв-*, а в словоформах *голова́*, *голова́м*, окончание имело акут (восходящую интонацию), и из-за этого окончание привлекало ударение на себя (Nachtigall 1922:8–9).

Известные современники подтверждали точку зрения Нахтигала о глубокости древности этого закона (нпр. Кульбакин 1923/24:727–728), но одновременно отрицали, что в род. п. *го́лов* действовал закон Фортунатова. Они считают, что здесь речь идет о метатонии (Белич 1922/23:172, Кульбакин 1923/24:728).

Синхронная и диахронная части книги (Nachtigall 1922) неразделимы. Число слов, которые обсуждаются, достаточно большое: индекс слов в конце книги охватывает примерно 1900 слов. Нахтигал описывает правила акцентных изменений во всех славянских языках, нпр. сдвиги места ударения в словенском и сербохорватском языках (часто приводит чакавские примеры), или параллели словенского и болгарского места ударения в примерах как слов. *zlató*, болг. *zlatò*, а также качественные и количественные изменения гласных в некоторых славянских языках.

Нахтигал сравнивает русские примеры с соответствиями из других славянских языков, особенно из словенского и сербохорватского, реже и других языков, нпр. *òсень*, диал. мест. п. мн. ч. *в осе́нях*, *осе́нями* = *òсенью*, сх. *jěsēn*, слов. *jesēn* (Nachtigall 1922:43).

Польский языковед Е. Курьлович отрицал действие закона де Соссюра еще с 1931-го года, утверждая, что безударные гласные не имели интонаций. Он формулирует свое мнение следующим образом:

Dès 1931 (...) nous avons maintenu que les prétendues lois de Leskien et de Saussure consistaient en un découpage erroné de cause (A) et effet (B), dû à l'intercalation d'un facteur X étranger au phénomène en question.

A = abrègement des voyelles longues en final

B = déplacement de l'accent (...)

X = intonation rude de la finale.

...

3 В Nachtigall 1922 обозначается место ударения в русских примерах знаком ` , в других сочинениях знаком ´. Мы пользуемся во всей статье знаком ` . Все примеры у Нахтигала (1922) в старой орфографии. В нашей статье они переносятся в современную орфографию. В других сочинениях Нахтигал употребляет современную орфографию. В словенских и сербохорватских примерах употребляются условные знаки.

On peut donc parler d'une coïncidence des voyelles longues et brèves en finale absolue comme d'un phénomène fondamental lequel, dans des conditions spéciales, aurait entraîné une différenciation de l'accent: maintien de l'accent devant une ancienne brève, son déplacement sur une ancienne longue qui s'abrège. (Kuryłowicz 1958:205)

Только после второй мировой войны сомнения о законе Фортунатова размножились. Первый, кто энергично выступал против Фортунатова, был Хр. Станг:

... in my opinion, it cannot be stated that Slavonic shows any after-effects of the old intonation difference in final syllables. The long vowels are in principle shortened in the final syllable, and whether these were originally circumflex or acute is of no significance in this case. (Stang 1958:14, и на других местах)

После Станга на реконструкции балтославянского ударения работали, в основном, В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо. Дыбо и его сотрудники доказывали, что у непроизводных слов различаются два типа ударения, а именно а) неподвижное ударение на корне и б) подвижное ударение, причем некоторые словоформы имели ударение на окончании, тогда как другие были т.наз. словоформы-энклиномены. У производных слов три типа ударения, а) неподвижное ударение на корне, б) подвижное ударение, в) ударение на суффиксе (Lehfeldt 2009:37–55). Это значит, что концепция толкования акцентологических парадигм менялась от описания фонетических процессов до морфонологических (Дыбо 2006:5).

Главное различие между старой (фонетической) и новой (морфонологической) концепциями славянского ударения состоит в том, что теперь гипотеза двух равномерных интонаций не нужна. Предполагается существование словоформ с определенным автономным ударением и словоформ, ударение которых определяется автоматически в зависимости от их положения. Это – энклиномены (Зализняк 2014:10). Если такая словоформа не связана с клитиками, то ударение падает на первый слог, нпр. *гòлову*, *гдловы*, в других словоформах на окончание. Слово типа *берѣза* имело неподвижное ударение на втором слоге основы. Сторонники старой концепции говорят в первом случае о нисходящей интонации (циркумфлексе) и о восходящей (акуте) во втором.

3 Ударение современного русского языка

Попробуем резюмировать описание русского ударения по книгам Нахтигала (1922 и 1946).

Имена существительные женского рода на *-ь* имеют три типа ударения: а) подвижное ударение (в балто-славянском нисходящее ударение), причем

в ед. ч. ударение на основе, а во мн. ч. от род. п. на окончании. Одновременно в мест. п. ед. ч. с предлогами *в, на*, а реже *при* – ударение на окончании (1922:35–50, также 1946:152–153), нпр. *связь, связи, в связи* : *связи, связей, связям*; другие примеры *вѡлость, дрѡжди, цѣрковь*, двухсложные с безударными суффиксами *ѡсень, лѡшадь, скѡтерть, ѡбласть*; – б) Неподвижному ударению (1922:51–68) в балто-славянском языке соответствует восходящее ударение; оно реже первого типа. Примеры: *баснь, бить, выль* итд., *pluraletantum гўсли, гўслей / гўсель*, краткие *у*-основы *мѡрковь, свекрѡвь*, двухсложные с ударными суффиксами *колыбѣль, печаль, гортань*, с безударными и ударными префиксами *напѡсть, постѣль, вѣпись, пѡмѡть* итд. – в) Ударение на окончании (1922:68–73) имеется у имен существительных с беглым гласным, нпр. *ложь лжѣ*, у числительных, нпр. *дѣсять дѣсятѣ дѣсятѣю*, и у имени существительного мужского рода *путь пѣтѣ*.

Подвижному типу соответствует в словенском и сербохорватском языках нисходящая интонация (за исключением известных падежей), ср. *вѡлость вѡлостѣ, вѡлостѣ, волостѣй, волостѣм*, слов. *lást lastí lásti, lásti lastí lastém*, сх. *vlást vlásti vlásti, vlásti vlásti vlástima*, а неподвижному типу соответствует в словенском и сербохорватском языках восходящая интонация, нпр. слов. *dlàn dláni*, сх. *dlàn dlàna*, причем надо иметь ввиду более поздние изменения этих двух языков, которые точно Нахтигал описывает.

У существительных мужского рода Нахтигал различает следующие три группы (1922:76–257): 1) с передвижением ударения начиная с род. п. мн. ч., 2) с передвижением начиная с им. п. мн. ч., и 3) с конечным ударением. В первой группе различает две подгруппы, а) существительные с окончанием *-ей*, б) существительные с окончанием *-ов* в род. п. мн. ч. В подгруппу а) входят старые *i*-основы или существительные, к ним примкнувшие. У существительных с исконно нисходящей интонацией подвижное ударение (причем в мест. п. нет ударения на окончании); тип *гость гѡстя, гѡсти гостѣй гостѣм*, односложные *гусь, зверь*, *plurale tantum лѡди*, двухсложные с беглым гласным *кѡготь, лѡкоть*, двусложные *гѡлубь, жѣлудь*, на шипящие *муж, ѡвоц*. Южнославянские примеры соответствуют русским, нпр. сх. *góst gŏsta, lǰúdi lǰúdi, gŏlǰub*, слов. *ljudjê ljudi, golôb*. Они подтверждают передвижение ударения от род. п. мн. ч. дальше, по аналогии *зять зѣтя, зятѣй, зѣголь*, сх. *zět, ŷgal'* (1922:84). Если интонация была восходящая, то ударение неподвижное, нпр. *медвѣдь* (старая *i*-основа), *хѡлон*, мн. ч. *хѡлони, сосѣд*, мн. ч. *сосѣду*. Слов. *sósed* (ω = открытое *o*) *soséda* доказывает, что восходящая интонация является более старой. Ударение на окончании в примерах типа *огѡнь огнѣ*. Сюда надо причислить другие имена существительные, которые

имеют постоянное ударение в им. п. мн. ч. на основе, нпр. *гвоздь гвоздѣ, гвѣзди гвоздѣй; конь конѣ, кѣни конѣй*. В группе 1 б) (1922:95–106) находим односложные слова типа *вор вѣра, вѣры ворѣв, волк вѣлка, вѣлки волкѣв, вѣ-тер*. Неодушевленные в мест. п. могут иметь -ѣ; у них в им. п. мн. ч. могут появиться рядом словоформы на -ѣ (*луг, мн. ч. лугѣ лугѣв, рог рѣги / рѣгѣ*). Из *о*-основ сюда причисляются только односложные слова с нисходящей интонацией.

К группе 2) (1922:106–124) причисляются *и*-основы и к ним примкнувшие *о*-основы с нисходящей интонацией. В их состав входят односложные, неодушевленные на твердый согласный, которые в мест. п. ед. ч. почти всегда имеют -ѣ (*чин чѣна чинѣ, верх вѣрха верхѣ*). Встает вопрос, является ли конечное ударение в им. п. мн. ч. старым или оно обусловлено тенденцией к чередованию между единственным и множественным числами. Такое противопоставление преобладает у существительных среднего и женского рода, оно способствовало также ударному -ѣ в им. п. мн. ч. имен существительных мужского рода.

Сравнение со словенским и сербохорватским языками показывает, что интонация была нисходящая в группах 1) и 2), хотя имеются исключения и колебания, ср. *бог : богѣв, сх. bŏg bŏga*, слов. *bŏg bogá; бор борѣ, сх. bŏr bŏra*. Все-таки примеры с конечным ударением или восходящей интонацией в южнославянских языках присутствуют, нпр. *гроб грѣбы / грѣбѣ, сх. grŏb grŏba*, слов. *grŏb grŏba*, *долг долгѣ, сх. dŏg*, слов. *dŏlg*, итд. Во вторую группу входят – если не учитывать заимствованные слова а) отглагольные корни как *вал, воз, вес, жар* и др., б) *у*-основы и к ним примкнувшие, нпр. *бор, верх, зад, мѣд, стан, сын*, в) основы преимущественно оканчивающиеся на заднебный согласный, нпр. *мозг, мех, стяг, шаг*, и некоторые другие, нпр. *нос, сыр, час*. Создается впечатление, что русский язык отказывается от ударения на основе в им. падеже в отличие от остальных падежей, кроме тех имён существительных, которые обозначают одушевленные существа. У неодушевленных существительных встречается регулярно побочная форма на -ѣ (*бокѣ, бегѣ, векѣ, глазѣ*), тогда как в группе слов с ударением на основе такие формы редкие. Наличие двух форм способствует семантическому различению, нпр. *мехѣ : мехѣ, цветѣ : цветѣ*. Мест. п. на -ѣ / -ю также в связи с *у*-основами (им. п. мн. ч. на -ѣ). Итак, передвижение ударения от им. п. мн. ч. является свойством *у*-основ, а от род. п. мн. ч. свойством *и*- и *о*-основ с нисходящим ударением.

В группе 3) (1922:179–251) мы встречаем ударение на окончании у *о*-основ (с редкими исключениями), у корней и суффиксов, редко у слов с префиксом.

Односложные примеры *двор двора, грех, нож, ключ, дождь, бич, борщ, врач* итд., с беглым гласным *сон сна, огонь огня, угол угла, узел узла, вендк, отец* итд., со старыми суффиксами *вихор, ковёр, кремён, плетён*, с продуктивными суффиксами: *белок, вендк, мешок, знаток* итд., двухсложные *лишай лишая, осётр, комар, журавль, очаг, багаж* итд., с продуктивными суффиксами и ударением на окончании: *овчар, буквар, баширак, дурак, моряк, двойник, барсук, сундук, балык, брюхач, Москвич, грабёж*. Как видно, Нахтигал причисляет сюда заимствования из тюркских языков, у которых о суффиксе говорить нельзя.

Ударение других имен существительных объясняется в книге *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (Nahtigal 1946). В данной книге, конечно, меньше исторических объяснений.

У существительных среднего рода (1946:142–144) различаются четыре типа: а) неподвижное ударение на основе (старая восходящая интонация), нпр. *болото, богатство, кресло*, б) двусложные со старой нисходящей интонацией, причем ударение в ед. ч. на основе, а во мн. числе на окончании, нпр. *море : моря, поле, слово, зеркало*. Этот тип расширился на существительные с первоначально восходящей интонацией, нпр. *дело : дела, лето* (в слов. языке в таких случаях метатонический циркумфлекс, нпр. *děla, lěta*), в) ударение в ед. ч. на окончании, а во мн. ч. на корне, нпр. *село : сёла, бедро, весло, долото : долота, ремесло* и т. д., г) многосложные производные существительные с постоянным ударением на окончании, нпр. *вещество, торжество, лезвё* (так!) и т. д. У основ на *-теп* ударение в ед. ч. на первом слоге, в мн. ч. на окончании (*имя имени : имена*, исключение *знания*), словоформы с **-et-* имели восходящую интонацию, которая всегда является ударной, нпр. *дети, ребята* итд.

Имена существительные женского рода на *-а* (1946:145–150) имеют четыре типа парадигм: а) при старой восходящей интонации постоянное ударение на основе, нпр. *ворона, дорога, баба, грива*, ср. сх. *bàba, grìva*, б) двусложные (при полногласии трехсложные) слова, которые имели нисходящую интонацию на корне; при них место ударения переходит на восходящую интонацию окончания, т.е. на все окончания кроме вин. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч., нпр. *голова : голову, головы : голов головам, вода, борода, скворода, рука* итд., в) третий тип соответствует типу б), но имеет ударение в вин. п. ед. ч. на окончании, нпр. *жена жену, сестра сестру* итд., во мн. ч. расширяется ударение на основе: *жены женам*. В трехсложных словах ударение оттягивается за один слог, нпр. *высота : высоты*. В типе г) ударение на окончаниях, в большинстве речь идет о производных словах, редко о других: *княжна* род. п. мн. ч. *княжон, мечта, статья, черта* и др.

Ударение имен прилагательных (1946:167–171) зависит от подвижного ударения коротких словоформ и их отношения к длинным словоформам. Существует три типа ударения, которые лучше всего иллюстрируются полногласными словами: а) неподвижное ударение (восходящая интонация на основе), нпр. *здоров здоровый* (сх. *zdrāv*), б) подвижное ударение (нисходящее ударение), нпр. *дорог дорогà дорожй* (сх. *drāg*), *молод молодой*, в) ударение на окончаниях, нпр. *короток коротка коротки короткий, хордиш*.

Некоторые прилагательные, первоначально принадлежавшие к прилагательным типа а) перешли в тип б), как видно из сербохорватского языка, нпр. *прав права (prāv), полон полна (pūn)* и др. К типу б) принадлежат такие слова как *бос босà босой (bōs), глух глухà глухой (glūh), густ, жив*, итд. У второстепенно ударяемых (производных) прилагательных типа б) ударение у длинных словоформ на последнем слоге основы: *весел веселà веселый, голоден голодна голодный*. Конечное ударение у примеров *добр добра добрый, высок, тяжёл, умён, лёгок* и т.д. В редких примерах ударение во мн. ч. кратких форм падает на основу: *гол голà голд : гды*.

При глаголе (1946:190–204) владел тот же самый акцентологический закон как у имен. Окончания, которые могли привлечь ударение на себя, были 1. лицо ед. ч. наст. вр. -у́, повел. накл. -и́, инф. -ти́, праet. fem. -à.

Различаются следующие типы ударения: а) Восходящая интонация на корне I. разряда (тематический гласный -e): *лезть лезу* (сх. *lěsti*), против *нести несу* (сх. *něsti*), б) Восходящая интонация других разрядов в отличии от нисходящей с ударением на тематическом гласном звуке: II. *двинуть двину* (сх. *dīgnuti*), в отличии от *вернуть верну верни* (сх. *vīnuti*), III.1 *слушать слушаю слушай* (сх. *slūšati*), *уметь*, III.2 *видеть* (сх. *vīdjeti*), *слышать* (сх. *slīšati*) в отличии от *сидеть сижу* (сх. *sjèditi*), *лежать, стоять*, IV. *чистить* (сх. *čīstiti*), в отличии от *говорить* (сх. *govòriti*), *носить*, V.1 *кушать* (сх. *kūšati*) в отличии от *читать читаю* (сх. *čītati*); у производных глаголов ударение как у имени существительного, нпр. *делать* от *дело*; V.2 *плакать плачу* (сх. *plākati*) : *писать пишу* (сх. *pīsati*), VI. *радовать* (сх. *rādovati*) : *даровать* (сх. *darovati*). Префикс *вы-* у глаголов совершенного вида является ударным, нпр. *выскочить : выскáкивать*.

Некоторые глаголы I. разряда с восходящим гласным по аналогии имеют ударение на окончании, нпр. *класть кладу* (сх. *klāsti*), *насть*. Глаголы с формантом -e-, -не- имеют ударение на окончании, если в 1. лице ударение на -у́, нпр. *нести несёшь, вернуть вернёшь*. В классе V.2 наступила метатония: *писать пишу* : *пишешь, колоть, молоть*, по аналогии *могу, стону*. Глаголы

IV. класса нередко имеют метатонию, нпр. *ношѹ* : *но̀сшишь*; гласный *-i-* в основе класса III.₂ имел восходящую интонацию: *сижѹ* *сидѹишь*.

Прошлое время (причастие на *-л*) подобно как у коротких форм имен прилагательных. Когда корень имел восходящую интонацию, ударение неподвижное: *сесть сел сѣла* (сх. *sjěsti*), а если гласный корня имел нисходящую интонацию, то в женском роде *-à*, нпр. *̀умер* : *умер̀ла̀*, *жил жѣло* : *жил̀а̀*, по аналогии также глаголы V.₃ *брал брал̀а̀* и др. В прош. вр. типа б) передвигается ударение в возвратных словоформах на конец, нпр. *начат̀о̀й* *начат̀а̀* *начат̀а̀*, *начал̀ся* *начал̀ась*. К типу с ударением на окончаниях слышат только глаголы I. разряда, нпр. *вел вел̀а̀* *вел̀о̀* *вел̀ѝ*. Причастие на *-ен -н* имеет ударение на окончаниях, если в корне восходящее ударение: *ведѣн -à -ò -ы̀*.

4 Вывод

Целью акцентологических работ Нахтигала является описание ударения в современном русском языке и его историческое толкование. Для изучающих русский язык особенно сложным является подвижное ударение. Этим вопросам Нахтигал уделял большое внимание. Также после Нахтигала были разные попытки описания русского ударения как для учебных целей, так и для толкования истории русского языка. Такую двойную цель имеет нпр. Kiparsky (1962); другие авторы предпочитают либо описание современного либо исторического ударения русского языка.

Современники Нахтигала опирались – как и он – на закон Фортунатова-де Соссюра, хотя и с некоторыми различиями. Ван Вайк пишет в предисловии ко второму изданию своей книги, что не совсем согласен с Нахтигалом (1922), потому что тот переносил закон в балтославянское время, но считает, что его книга имеет большое значение как собрание критических наблюдений диалектологически-акцентологического материала (vanWijk 1958:7). Другие авторы (Белич, Кульбакин) соглашаются по поводу значения собрания большого акцентологического материала, хотя иногда возражают относительно его исторической интерпретации.

Нахтигал принадлежал к сторонникам фонетического толкования истории славянского ударения, но он все-таки заметил, что при интерпретации фактов играют роль также семантические, фонетические и морфологические факторы современного языка.

Нам известно, что впервые высказал свои сомнения по поводу действия закона Фортунатова-де Соссюра Курылович в тридцатые годы 20-го века, но только Станг доказал, что этот закон не действовал в праславянском языке (Stang 1958:15–17, 179). Однако оба имели в виду, что ударение исходных

гласных не зависит от интонаций. Нахтигал принимал возражения критиков насчет метатонии. В книге 1946 он использует термин «метатония», говоря о восходящей интонации – независимо от того, исходная ли она или метатоническая («*prvotno ali po metatoniji*», стр. 136), он приводит также примеры типа *писа́ть пишу́* : *пи́шешь* (1946:194).

Фонетическая интерпретация подвижности русского ударения не объясняет все данные. Исследователи говорили об аналогичных изменениях, когда данные не отвечали фонетическим законам, и мало раздумывали о морфологической функции русского ударения. Все-таки, Нахтигал склонялся к тому, что существует тенденция противопоставления чисел, особенно у существительных женского и среднего рода; такая тенденция способствовала также окончанию *-à* у существительных мужского рода (1922:107), иногда с семантическим различием, причем категория одушевленности также играет определенную роль (1922:134, 172). Также он заметил важную роль фонетической формы окончания основы. Окончание на мягкий согласный означало, что исторические *i*-основы мужского рода перешли в целом в группу существительных мужского рода на мягкий согласный (1922:91–92). Несколько раз он говорит о том, что ударение в известных случаях связано с категорией одушевленности. И, наконец, семантика слова тоже играет свою значительную роль, нпр. он заметил, что названия рыбы (*òкунь*, *òмуль*, *лòсось* [так!]) и названия других животных (*гòлубь*, *лèбедь*, *сòболь*) имеют одинаковое ударение, причем их фонетическая форма (двухсложные слова с ударением на первом слоге) также существенна (1922:84).

Таким образом можно сделать вывод, что Нахтигал был сторонником фонетического объяснения русского ударения, но уже видел другие факторы, влияющие на современное русское ударение.

Литература

Сочинения Нахтигала

- Nachtigall, R., 1922: *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung*. I. Substantiva auf Konsonanten. Heidelberg: Winter.
- Nahtigal, R., 1946: *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči*. Ljubljana: Državna založba Slovenije.
- Nahtigal, R., 1952: *Slovanski jeziki*. Druga, popravljena in pomnožena izdaja. Ljubljana: Univerza, Filozofska fakulteta. [первое издание 1938]
- Nahtigal, R., 1961: *Die slavischen Sprachen. Abriss der vergleichenden Grammatik*. Deutsche Fassung besorgt von Joseph Schütz. Wiesbaden: Harrassowitz.

Нахтигал, Р., 1963: *Славянские языки*. Под редакцией и с предисловием проф. С. Б. Бернштейна. Москва: Издат. Иностранной Литературы.

Другие авторы

Белич А., 1923 = А. Белић: R. Nachtigal, Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung... *Южнословенски филолог* 3 (1922/23), 170–174. [оценка]

Дыбо, В. А., 2006: Сравнительно-историческая акцентология, новый взгляд: По поводу книги В. Лефельдта «Введение в морфологическую концепцию славянской акцентологии». *Вопросы языкознания* 2006/2, 3–27.

Зализняк, А. А., 2014: *Древнерусское ударение. Общие сведения и словарь*. Москва: Языки славянской культуры.

Кульбакин, С., 1923/24: R. Nachtigall: Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung... 1922. *Slavia* 2, 726–732. [оценка]

Фортунатов, Ф. Ф., 1897: Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке». Отчет о присуждении Ломоносовской премии в 1895 г. *Сборник отделения русского языка и словесности АН* 64/11, 1–158.

Garde, P., 1976: *Histoire de l'accentuation slave*. Tome premier. Paris: Institut d'études slaves (Collections de manuels de l'Institut d'Études slaves, VII/1).

Hirt, H., 1895: *Der indogermanische Akzent. Ein Handbuch*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.

Kiparsky, V., 1962: *Der Wortakzent der russischen Schriftsprache*. Heidelberg: Carl Winter.

Kolarič, R., 1948: Prof. Dr. Rajko Nahtigal (1877-1947). *Slavistična revija* 1, 95–100.

Kuryłowicz, J., 1958: *L'accentuation des langues indo-européennes*. Wrocław–Kraków (PAN, Komitet językoznawczy. Prace językoznawcze, 17).

Lehfeldt, W., 2009: *Einführung in die morphologische Konzeption der slavischen Akzentologie*. Mit einem Appendix von Willem Vermeer. 3., verbesserte und ergänzte Auflage. München: Sagner (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik, 49).

Stang, Ch. S., 1958: *Slavonic Accentuation*. Oslo: Universitetsforlaget.

Tomšič, F., 1957: Prof. dr. Rajko Nahtigal osemdesetletnik. *Slavistična revija* 10, 1–9.

Tomšič, F., 1958: Rajko Nahtigal. *Letopis Slovenske akademije znanosti in umetnosti* 9, 63–67.

- Vondrák, W., 1906: *Vergleichende Slavische Grammatik*. I. Band. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen: Vandenhoeck und Rupprecht.
- van Wijk, N., 1958: *Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme*. Zweite Auflage. 's-Gravenhage: Mouton. [первое издание 1922].

Summary: Nahtigal's Research on Russian and Slavic Accentuation

Rajko Nahtigal finished his studies at the University of Vienna in 1900. Following the encouragement of his teacher, Vatroslav Jagić, he went to Russia in order to improve his knowledge of the Russian language and to acquaint himself with new trends in Russian linguistics and slavistics. He spent two years (1901–1902) in Moscow and St. Petersburg. There, he met famous linguists and Slavists such as F. F. Fortunatov, whose accentological theory exerted a significant influence upon him. After his return to Vienna, Nahtigal taught Russian at the University and elsewhere over the course of ten years. One can imagine that he became especially interested in Russian accentuation since he was not a native speaker of that language. His love for the history and comparative grammar of Slavic languages contributed to him making accentology one of his main subjects of research. In 1922, his book *Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung* was published. The book was planned to be the first volume of a comprehensive study of synchronic and diachronic Russian and Slavic accentology. It describes the accent paradigms of Russian substantives with zero endings in the nominative singular. However, Nahtigal's plan remained unfulfilled. In his book *Ruski jezik v poljudnoznanstveni luči* (1946), he presented a description of Russian phonetics and inflection, which contained, among other things, a comprehensive description of Russian accent paradigms. The origin of Slavic movable stress is also taken into consideration in Nahtigal's comparative grammar *Slovanski jeziki* (first edition 1938, second 1952). Nahtigal's views on Russian and Slavic accentuation are presented in this article.

Key words: Rajko Nahtigal, stress in modern Russian, Slavic comparative grammar, history of Russian movable stress